

АЛЕКСЕЙ ГРАШИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЖАЖДА

18+

Алексей Грашин

Жажда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64035776

SelfPub; 2021

Аннотация

Когда приходит время взмывать в небеса, когда приходит время спускаться на землю – какая жажда ведёт нас? Жажда признания, жажда славы, жажда власти и денег, жажда любви? Или та самая жажда, что заставляет двигаться без остановки – снова и снова, к новым вершинам, за горизонт? И не забудь, это важно: во фляге всегда должны оставаться несколько глотков воды – на случай последней, катастрофической, преображающей жажды. Содержит нецензурную брань.

Алексей Грашин

Жажда

Эта история начинается миллиарды лет назад, когда сквозь трещины в магме остывающей планеты выбрасываются газы со струями горячей воды; она начинается с зарождением первичного бульона и выходом существ на сушу, с песнями китов и кораблями, бороздящими воды, словно караваны, идущие сквозь пески к далёким прохладным оазисам. Она начинается, когда в клубах дыма и вихрях пламени я возношусь в небеса.

Эта история начинается здесь и сейчас.

– Коля, передай ключ, – говорю я.

Николай Шиллер, мой оператор ВКД-1, передаёт мне универсальный ключ. Теперь я должна открутить фиксатор контейнера МСН-4, снять его с креплений и передать Коле. Шесть болтов, которые крепили контейнер к Станции снизу, уже покоятся у него в поясной сумке.

Осколки кометы C/2024 N1 Атахира, распавшейся при приближении к Земле на пять частей, миновали нас семьдесят часов назад. Три унеслись дальше к Солнцу, один сторел в атмосфере, а последний – самый крупный – упал близ берегов Антарктиды, вызвав небольшое цунами в Австралии и Новой Зеландии. Высота волны была до пяти метров. К счастью, население прибрежных зон эвакуировали вовремя.

Мы пересидели комету в «Союзе», тоже готовые к эвакуации. Если осколок кометы врежется в Станцию, это верная смерть. Но вероятность такой катастрофы очень мала. Американцы были готовы отчалить в своём «Dragon Crew». Шесть часов мы обменивались с ними по УКВ нервными шутками и подколками, пока наконец Хьюстон (мы как раз проходили над Гавайями) не объявил отбой тревоги. А вчера пришёл приказ готовить Станцию к консервации.

Я аккуратно снимаю контейнер. Эксперимент «Биориск» проводится на МКС почти всё время её существования, с начала двухтысячных. Сейчас в МСН-4 находятся замороженные головастики, эмбрионы мышей, сперматозоиды и яйцеклетки макаки-резус. Внизу учёные проверят воздействие на них низких температур, неблагоприятной внешней среды и космической радиации. Подготовка к полёту на Марс идёт полным ходом. Или, верней, шла. До вчерашнего дня.

– Контейнер МСН-4 сняла, – рапортую я. Проговаривать все свои действия в космосе – залог успешной работы. Контра пишет. – Передаю контейнер космонавту Шиллеру.

Конечно, я расскажу тебе эту часть истории. Ты любишь всё захватывающее. Наверняка перед сном вчера читала на планшете очередной ужастик.

– Через три минуты входим в тень Земли, – говорит нам со Станции Юрий Борисович. Я внутренне сжимаюсь, стараясь не выпустить из рук контейнер. ЦУП молчит: связи с Землёй нет уже восемь часов. Коля включает нашлемные фонари.

Видно астронавтов, выполняющих свою часть работы на модуле «Destiny». Двойной выход на ВКД – впервые в истории Станции. Американцы вернутся через два часа после нас.

МКС движется по орбите со скоростью почти двадцать восемь тысяч километров в час. Мы совершаем оборот вокруг Земли за полтора часа – сорок пять минут у нас «день», и сорок пять минут – «ночь». Внутри Станции на это не обращаешь внимания, но при ВКД переход в тень (даже сглаживаемый микроклиматом скафандра) – это как в тёплый солнечный день вдруг нырнуть в глубокую холодную воду. В ходе сегодняшней ВКД у нас с Николаем получается пять таких «нырков». Сейчас будет третий.

– Хорошо, Гуля, – говорит Николай, когда я передаю ему контейнер. Сам МСН-4 сравнительно небольшой, размером с академический тубус для бумаг. Весит он двадцать шесть килограмм, вернее, в невесомости он ничего не весит, но сохраняет массу и инерцию. Поэтому обращаться с ним всё равно приходится аккуратно – одно неверное движение – и контейнер уже кувыркается в десяти метрах от вас, быстро и безнадёжно удаляясь в пучины космоса.

Теперь нам с Колей нужно вернуться к шлюзу, оставить там контейнер, взять термоплёнку и укрыть ей внешние блоки на модуле «Заря». Николай притягивает тубус контейнера к руке специальными фиксирующими ремешками и мы начинаем движение к шлюзу. Передвинуться к следующему поручню – отстегнуть фал скафандра – пристегнуть его к

следующему поручню – передвинуться – отстегнуть страховочный фал – пристегнуть его снова... Как будто ползёшь по полу, цепляясь пальцами. Внешняя поверхность Стации вся в царапинах, вмятинах от ударов микрометеоритов, кое-где под воздействием комического излучения она коробится или меняет цвет. Сильно мёрзнут руки и ноги, а под нами сияет в ночи огнями Азия. Я стараюсь не отвлекаться на красоты проплывающей внизу планеты.

Учитывая, что приходится преодолевать ещё и сопротивление скафандра, в космосе быстро выматываешься, даже учитывая тренировки и нашу хорошую физическую подготовку. Я с лёгким ужасом думаю, что мы выполнили пока только половину работы.

Коля открывает шлюз. Он пристёгнут только страховочным фалом, готовясь зацепить фал скафандра внутри шлюзовой камеры. Я вишу «над» ним – оставив МСН-4 в шлюзе, он передаст мне термоплёнку. Есть пара минут посмотреть на Землю. Во время ВКД космонавты находятся в таком напряжении, что любоваться видами чаще всего некогда. Любая ошибка может стать последней.

Хорошо, что я забыла поднять светофильтр, когда мы вошли в тень. Я только успеваю удивиться отсутствию свечения городов в ночной Новой Зеландии и на южном побережье Австралии, как по глазам бьют две ярких вспышки. Как раз над Южной Австралией. Я вскрикиваю.

– Что там? – вскидывается Коля. Он уже был готов за-

пулить контейнер в шлюз, но делает неловкое движение и МСН-4 летит в одну сторону – прочь от Станции, а Николай в другую. Страховочный фал отстегнулся. Колю начинает закручивать вокруг поперечной оси. У меня в голове щёлкают шестерёнки. Я отталкиваюсь ногами и лечу на перехват – длины моего полутораметрового фала как раз должно хватить, чтобы схватить его за ногу. Я промахиваюсь.

– Ребята, что случилось? – волнуется Юрий Борисович. Я представляю, как он выглядывает в иллюминатор, ища нас глазами. – Доклад по ситуации!

– Б***ь! – отчётливо произносит Николай. Теперь он видит то, что увидела я над Австралией. – Борисыч, посмотри на Землю!

Его «Орлан-МКС» ударяется спиной об установленную на корпусе антенну и летит обратно ко мне. Мы сталкиваемся. Отброшенная в сторону, я успеваю ухватить медленно плывущий мимо контейнер.

– Отбой миссии, – напряжённым голосом говорит Борисыч. – Приказываю немедленно вернуться на Станцию. Шиллер, Фатихова, как поняли?

– Вас поняли, – говорит Коля, хватается за поручень и показывает мне колечко из большого и указательного пальцев: «ОК».

На месте, где полыхнули вспышки, бурлит что-то чёрно-багровое. Наземные взрывы. Я вижу, что американцы на обшивке «Destiny» тоже смотрят в ту сторону.

Мы с космонавтом Шиллером закрываем за собой люк шлюза и через двадцать минут оказываемся на Станции.

Юрий Борисович и Эндрю, руководитель американского сегмента, помогают нам снять скафандры. Принца не видно. Наверно, прячется где-нибудь в недрах «Tranquility».

– Связи так и нет? – спрашиваю я первым делом. Борисыч качает головой.

– А вы новости смотрели? – Эндрю Морган очень хорошо говорит по-русски, у него лишь небольшой акцент. – Перед отключением связи?

– Нет, не смотрели, – хмурясь, говорит Николай. – Были интересные?

– В Острэлиа сотни людей зашли в океан и не вышли, – жестикулируя и округляя глаза, говорит Эндрю. – Сотни умирают на берегу. А десятки тысяч садятся и сидят, смотрят на воду! С Нью-Зиланд не могут связаться вообще! Никто не отвечает!

Мы не общались с американским экипажем уже больше суток, и, разумеется, ничего не знали.

– Спасибо Эндрю, – говорит Борисыч. – Кажется, это кое-что объясняет.

Ни фига это не объясняет, думаю я. Но молчу.

– Когда отчаливаете? – спрашивает Коля.

– Через тридцать девять часов, – говорит Эндрю и оборачивается ко мне. От его сконфуженного вида мне одновременно хочется и плакать, и смеяться.

– Гульнара, я хочу ещё раз принести извинения...

– Понятно, – говорит Борисыч. – Ещё раз спасибо за помощь, Эндрю. Пошли, ребята.

Мы протискиваемся со скафандрами в российский сегмент Станции и закрываем за собой люк.

Эту часть истории я тебе, пожалуй, рассказывать не буду. Ну, или позже, когда подрастёшь. Сейчас такое тебе слушать ни к чему. Четырнадцать лет – самое то время, когда на уме мальчишки и романтика. А уж какими они могут быть, тебя научит жизнь. Мамины наставления по этому поводу всегда пролетают мимо ушей.

Принц бин Раман прилетел с американским экипажем. Арабы финансово участвуют в создании окологлуной «Gateway», замахиваются уже и на Марс. Вот и отправился представитель королевской семьи обозреть их будущие владения – хотя бы и на МКС.

Бин Раман, конечно, красавец. Высокий брюнет, импозантный, с аккуратной бородкой супермачо и пронизывающим взглядом чёрных глаз. Ну, то есть это я так думала, пока вчера, после получения приказа на подготовку к консервации Станции не ломанулась в американский сегмент. Смотреть на Землю из «Куполы» и смаргивать слёзы. Из двухсотдвадцатидневной программы на Станции я пробыла всего тридцать восемь суток, и всё, спасибо – до свидания. Собирайтесь домой. Проклятая комета, всё из-за неё!..

Тут-то принц и прихватил меня за ягодицу. Жарко зашеп-

тал на ухо, что все американцы сейчас в «Лэбе», и его каюта в «Tranquility» ещё часа три полностью свободна. Что не встречал женщины красивее меня. Что осыплет меня золотом и бриллиантами, что всегда мечтал заняться сексом в невесомости, о неутолённой жажде любви...

Сначала я просто неловко пыталась вывернуться, гневно сверля наследника престола глазами, но когда пошла речь про секс, кувыркнулась, лягнула принца в грудь и недвусмысленно послала его по-английски. Он попытался схватить меня за руку. Ха! Я пробкой выскочила из «Куполы» («Шлюха!», крикнул мне вслед бин Раман) и стрелой промчалась в российский сегмент, где слёзы полились просто градом. Я хватала разлетающиеся шарики солёной воды горстями, пока не сообразила взять полотенце. В таком виде меня и застал Борисыч.

Секретов на Станции от своих быть не должно. Всё либо работает на наше выживание, либо против. Поэтому я, конечно, рассказала. Коля закрыл люк в наш сегмент (рвался набить бин Раману морду, но я не пустила) и отправил американцам сообщение, что с этой минуты всё взаимодействие – только через внутреннюю сеть МКС. Потому что поведение члена американского экипажа – это ответственность их руководителя. Прощальный совместный ужин отменяется. Спасибо – до свидания.

Эндрю предпринял жалкую попытку оправдать бин Рамана, написав, что, по убеждению принца, мусульманская

замужняя женщина, живущая с двумя чужими мужчинами, спящая с ними в одном помещении (уж не говоря про принятие душа – который на МКС состоит из обтирания влажными полотенцами, и посещение туалета), мусульманская женщина, мелькающая перед его взглядом в шортах и футболке да ещё и с непокрытой головой; так вот, такая женщина – просто развратница. И, с точки зрения принца, он не мог мне нанести никакой обиды или как-то оскорбить, поскольку своим поведением и внешним видом я сама даю повод кому угодно залезть ко мне в трусы.

– Идиоты, – сказала я. Они хотят, чтоб я на Станции в парандже сидела?

– Я был об Эндрю лучшего мнения, – горестно ответил Юрий Борисович.

– На Землю сообщать не надо, – сказала я.

А теперь мы смотрим в иллюминаторы, как астронавты заходят в шлюз, через который мы с Колей прошли сорок минут назад. У них всё проходит без накладок.

– Взрывы, конечно, ядерные, – говорит Николай.

– Это ни в какие ворота! – возмущается Борисыч. – «Западные партнёры» вконец охренели! Вы снаружи запросто могли дозу схватить. Непонятно же, где они взрывают: на поверхности, или в атмосфере. И связи нет, и не предупредил никто!

Сжимавшая сердце ледяными тисками мысль о Третьей мировой уже отброшена – за прошедший с момента взрывов

час новых вспышек мы нигде не увидели.

– Почему западные? – спрашиваю я.

– А нам зачем бомбить Австралию? Или, может, ты думаешь, это китайцы? А им зачем?

– Я бы спросил – зачем вообще бомбить Австралию? Что там могло случиться?

– Комета, – говорю я. – Цунами. Люди на берегу.

– Ну и что? Комета же ледяная была? В ней вода одна.

– А вдруг там яды какие-нибудь? Самореплицирующиеся?

– Растворились бы в океане, – говорит Борисыч. – Люди за последний век столько гадости в океан вылили, и пока что особо никто не умер.

– Домыслы, конечно, – говорю я. – Но вдруг со структурой в кометном льде что-то не так? Период Атахиры же считали? Около ста пятидесяти тысяч лет. Что у нас было сто пятьдесят тысяч лет назад?

– Ледниковый период, – говорит Коля. – Кроманьонцы появились.

– Вот! – поднимаю я палец вверх. – Новая эволюционная ступень. И как раз Атахира мимо пролетала.

– Нет ли тут скрытой демагогии? – прищуривает глаз Борисыч. – Ты же биолог, Гуля. Откуда эти псевдонаучные идейки? Томаты ты отличные выращиваешь, а с кометой пусть на Земле специалисты разбираются.

– Просто так бомбить бы не стали, – тихо говорит Нико-

лай. – Там что-то очень серьёзное.

– А если *это* в воде и распространяется, – говорю я, – то всё ещё более серьёзно.

– Поэтому нам и связь отрубили, и интернет. Чтоб мы не дёргались.

– Ага, как в две тыщи третьем экипажу «Колумбии» не сказали, что у них обшивка крыла повреждена. И капец «Колумбии» при посадке. Кстати, как мы эвакуироваться без связи будем?

– А американцы как?

– У них NORAD, береговая охрана. Заметят, подберут. А мы в казахскую степь сядем – на двести кмэ вокруг никого! Там и загнёмся.

– Отставить! – рывкает Борисыч. – Всё будет нормально! Связь наладят!

– Есть, товарищ командир, – говорит Коля. Я киваю.

– Ладно, философы, – говорит Борисыч уже спокойнее. – Давайте консервацию заканчивать. Если новых вспышек не будет, завтра снова наружу пойдёте. Надо доделать дела.

Перед сном я долго думаю о вас. Наиль уже учится в Казани, а как ты с папой в Звёздном? Помню, как ты не хотела переезжать. Хорошо, что быстро обзавелась друзьями, да и папа работу нашёл легко. Скучаю по вам, скучаю по вам, скучаю...

Мы смотрим, как эвакуируются американцы. «Crew Dragon» белым лепестком быстро уходит за поле видимости

иллюминаторов. Незадолго до этого они отправили в атмосферу набитый мусором грузовой «Сигнус». А перед отбытием к нам в люк постучали.

– Кто там? – неприветливо спросил Коля.

Оттуда снова постучали и Коля открыл.

Глядя на виноватые физиономии Эндрю, Бака и Криса, я не смогла удержаться от смеха. Подлец принц опять где-то спрятался. Ну и пусть, карма его всё равно догонит.

– Мы попрощаться, – сказал Эндрю. – Спасибо вам, ребята. Простите за всё.

– Гуля, прости, – пробормотал Крис.

– Мы с ним внизу разберёмся, – многозначительно сказал Бак. – Можете пока пользоваться нашим сегментом. Только учитывайте, что мы почти всё обесточили.

Я подлетела к ним и пожала парням руки.

– Have a nice trip, – сказала я.

– Good luck, guys, – сказал Коля.

– Wish you a soft landing, – и Борисыч по очереди обнялся с каждым из астронавтов.

И мы снова закрыли люк. Нечего шаболдаться по чужому сегменту в отсутствие хозяев.

– Наши действия, командир? – спросил Коля.

– Вообще-то мы должны были эвакуироваться через шесть часов после них. Но пока связи нет, заканчиваем консервацию и переходим в «Союз». Будем ждать.

Наш мусорный «Прогресс» тоже улетает сгорать над Ти-

хим океаном.

Командир отключает что-то там у себя по списку. Коля бортинженер – он обесточивает систему регенерации воды из конденсата СРВ-К2М и Электрон-ВМ, с помощью которого мы получаем кислород. И благородно берёт на себя помывку туалета. Я провожу влажную уборку и пылесосу в модулях. Из окна моей каюты видна Антарктида, над которой всё ещё маячит газопылевой хвост злополучной кометы Атахира.

Выращенные мной томаты я пакую в специальный пластиковый контейнер с распорками и через отверстие заливаю биогелем. Он позволит растениям пережить перегрузки при посадке. Шум вентиляторов, сопровождающий каждое мгновение нашей жизни на МКС, постепенно стихает. Воздух станции привычно пахнет человеческим телом, пластиком, немного мусором и вакуумом – запахом, похожим на тот, когда что-то режут «болгаркой». На лентах-ворсовках, покрывающих чуть ли не половину поверхности стен, чисто. Наш липкий стол, обклеенный серой лентой, тоже непривычно пуст. Мы обедаем. Я сую пакет с сублимированным картофельным пюре в меховой унт, чтобы не остыл, пока пюре пятнадцать минут будет разбухать в горячей воде.

Облачаемся в «Соколы» – наши спасательные скафандры для спуска на «Союзе». Кресло командира посередине, у него там панель ручного управления на случай неполадок со связью, например. Наш случай. Бортинженер сидит справа,

а я – комонавт-исследователь – слева, и у нас есть иллюминаторы. Можно смотреть в окошко.

Я вспоминаю, как американцы пугали меня спуском на «Союзе» – в своё время каждому из них пришлось испытать его на себе.

– Страшно спускаться, командир? – спрашиваю я.

– Весело, – кричит Борисыч, устраиваясь в ложементе. – На американских горках каталась? Вот примерно так же. Два часа страха, поорёшь, и дома.

– Всю жизнь помнить будешь, – мрачно говорит Николай.

– Шуточки у тебя, боцман, – смеётся Борисыч.

Мы готовы к отстыковке в любой момент. Станция законсервирована, люки закрыты. Надеюсь, люди скоро сюда вернутся.

Через шесть часов сидения в скрюченной позе с коленками под подбородком я со скрипом выбираюсь в бытовой отсек. Там есть туалет, и, хоть на мне надет памперс, использовать я его не хочу.

– Гульнара, принеси соков, пожалуйста, – кричит Коля мне вслед.

На вторые сутки ожидания нам становится слегка не по себе.

– И сколько мы будем тут сидеть? – спрашиваю я.

– Можем прям хоть сейчас отстыковаться, – говорит Борисыч. – Ахнемся в степь и загнёмся без помощи. Мы же не знаем, что внизу сейчас творится.

– А здесь мы через сколько загнёмся? – требовательно спрашиваю я.

– У нас есть по шесть литров воды в НАЗ. Кислорода в баках на сто сорок шесть часов.

– Почти шесть суток, – машинально подсчитываю я.

– Да. Потом концентрация CO_2 убьёт нас меньше, чем за сутки. Мы просто заснём и не проснёмся.

– Короче, шесть суток – крайний срок, – говорит Коля. – Потом по-любому надо валить.

Отрубаясь, я вижу под веками цветные вспышки. Космическая дискотека. Тяжёлые частицы галактического излучения проникают сквозь обшивку «Союза» и, ударяясь о глазное дно, вызывают яркие световые эффекты – синие, зелёные, красные. Я сливаюсь, растворяюсь и исчезаю. Соединяюсь с чем-то, теряюсь, но нахожу много, много большее. Приходя в себя, кричу от страха – приснился кошмар, но я его не помню.

– Страх – это только сигнал, – говорит Борисыч. – Не позволяй ему управлять тобой.

Чувство голода притупляется, но всё время хочется пить. На четвёртые (или на пятые?..) сутки радиосвязь пытается ожить.

– Станция! – хрипит приёмник. – Альтаиры!.. Как слышите?..

– Вас слышим! – кричит в ответ Борисыч. – Альтаиры на связи!

– Станция! Станция!.. – продолжает пытаться кто-то внизу. Нас они не слышат.

Фляги давно пусты. Углекислота в воздухе гасит сознание, заставляя спать всё дольше. Губы потрескались, а пересохшее горло способно лишь на хрип и шёпот.

Просыпаюсь от толчка в плечо.

– Отчаливаем, – шепчет Борисыч.

Если всё в порядке, отстыковкой управляет ЦУП. Но сейчас ничего не в порядке, и командир управляет «Союзом» вручную. Коля держит в руках документацию по ручной посадке – сверяет порядок действий Борисыча.

После отстыковки включаются малые двигатели «Союза», отводящие нас ещё дальше от МКС. Я глажу приборную панель. Сложная техника – она как живая, и относиться к ней надо, как к живой. Но если техника может быть живой, почему вода не может? А если не на молекулярном, то пусть на квантовом уровне – может она нести информацию, структурирующую сознание?

– Вот же женщины, – хрипит Борисыч. – Вечно какую-нибудь эзотерическую хрень приплетут.

Оказывается, я говорю вслух. Коля кашляет и я понимаю, что это он так смеётся.

Зверски болят коленки. Всё болит, но больше всего – колени. Это запредельная боль, сравнимая разве только с родами первого ребёнка.

Снова оживает радио.

– Альтаиры! Как слышите? Это Рязанский из ЦУПа!

Серёжа Рязанский, хороший парень. Я в отупении смотрю на приёмник.

– Слышим вас, – кричит Борисыч. – Готовимся к посадке...

– Альтаиры, на связь! Как слышите?..

Я вытаскиваю из скафандра три припрятанных пакетика сока. Один Борисычу, один Коле, один мне. Командир смотрит на меня квадратными глазами, но смачивает горло, и голос его становится почти прежним – сильным и уверенным.

– Космонавт Фатихова, – говорит он. – От имени командования выражаю вам благодарность. – И в микрофон:

– Это Альтаиры! Слышим вас! Готовимся к посадке!

– Ура! – кричат в ЦУПе. – Есть связь!

– Мы вас видим, – говорит Рязанский. – Расчётное место посадки – семьдесят километров юго-восточнее Джекказгана. Поисково-спасательная служба в воздухе.

Трёх часов спуска я не помню. Полуобморочное состояние позволяет памяти выдернуть только один фрагмент: воздух за иллюминатором горит, воздух внутри СА горит, мы горим, и я горю, и я в аду.

Удар о землю, капсула лежит на боку. Я вишу на потолке, пристёгнутая ремнями, а Коля почти внизу. Он отстёгивается, подползает к люку, но ему не хватает сил его открыть. Борисыч молчит. Коля внизу шевелит растрескавшимися окровавленными губами. Я слышу шум лопастей вертолётки и про-

валиваюсь в окончательное спасительное забытье.

Белая палата. Медсестра показывает: Шшш! Молчите! Входят врач отряда и Олег Дмитриевич, командир отряда космонавтов.

– Лежите, Гульнара Азатовна, лежите. Вы ещё очень слабы, – говорит врач.

– Что с ребятами? – шепчу я. – Где мои? Ринат, Зулейха?

– С ребятами всё хорошо, лежат в соседних палатах. А ваши... Вы только не волнуйтесь. Ситуация сложная. «Водная болезнь» распространяется стремительно. Со многими районами планеты потеряна связь. Употребление водопроводной воды, да и просто вдыхание атмосферного воздуха приводит к нарушениям психики. К сожалению, ваши родные отказались перейти в безопасное убежище. Но они живы, здоровы, и находятся во временном лагере здесь, совсем рядом со Звёздным городком.

– Я хочу их увидеть! Немедленно! – вскакиваю я с кровати. Меня шатает, ноги подкашиваются, и падаю – к счастью, на руки врачу и командиру.

– Спокойно, спокойно. Скоро увидите, обязательно, – говорит командир.

Раннее утро, пять часов с минутами. На мне белый пластиковый скафандр биозащиты. Я вылезаю из автобуса и вижу вас. Ты и папа сидите на коврике рядом с палаткой, на вас какие-то белые бурнусы, вроде льняные. Где вы их нашли в Подмосковье?

Я расстёгиваю липучку, врач делает движение ко мне, но командир останавливает его: пусть. Скафандр кучей валится к ногам.

– Ринат! Зуля! – говорю я.

Ты открываешь глаза. Улыбаешься. Никакие вы не зомби. А я боялась.

Твой папа подходит ко мне и обнимает – крепко, как я люблю. А ты выносишь из палатки пиалу с прозрачной водой и протягиваешь мне. Я глубоко вдыхаю и пью.

Это происходит почти сразу: я чувствую Луну, висящую над нашими головами в светлеющем сентябрьском небе. Она управляет приливами и отливами, и движением вод, и мной. Я больше не ощущаю жажды, хотя до сих пор сильно обезвожена после спуска с орбиты. Но жажда поднимает нас в небеса и спускает на землю, жажда возвышает нас и проходит, и я становлюсь с ангелами лицами на восток. Из-за пластиковых забрал скафандров на нас смотрят испуганные лица, а море внутри нас и внутри них струится и ворочается, подчиняясь ритмам Луны.

Ты знаешь мою историю, а я знаю твою, и мы знаем всё.

Я поднимаю взгляд выше, к пока ещё различимым на утреннем небе звёздам, вы смотрите туда вместе со мной и мне спокойно и радостно.

Взгляд, устремлённый ввысь – это несомненный признак.

Критерий самой неизбывной, вечной и неутоляемой жажды.

Той, что ведёт от простейших к богам, созидая жизнь, и славу, и чудеса – всё дальше, всё глубже, всё выше.

Той жажды, что делает нас людьми.